Черная критика

(о К.-Д-тахъ и о Большевикахъ).

К. Милорадовичъ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія К. П. Шрадеръ, Вас. Остр., Большой просп. д. 19.
1918.

Черная критика

(о К.-Д-тахъ и о Большевикахъ).

К. Милорадовичъ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія К. П. Шрадеръ, Вас. Остр., Большой просп. д. 19.
1918.

Либерализмъ, какъ неправда революціи.

Большевики называютъ партію народной свободы контръ-революціонной. Но я хочу судить революцію всю цѣликомъ, съ начала и до конца, съ запада и съ востока и для меня партія Народной Свободы такъ-же революціонна, какъ сами большевики.

Казалось бы теперь, послѣ смерти Шингарева и Кокошкина, близкихъ и намъ своей любовью къ Россіи — да не оскорбятся ихъ благородныя души этой близостью, — во время гоненій которымъ подвергаются члены ихъ партіи, не время подходить къ ней съ критикой.

Но я знаю что критика справа имъ повредить не можетъ. Она можетъ доказать только лишній разъ, если это еще нужно доказывать что никакой связи съ черной сотней и контръ-революціей у нихъ нѣтъ и быть не можетъ, потому что съ точки зрѣнія консерватизма либерализмъ всегда останется корнемъ той революціи, плодомъ которой является большевизмъ.

Когда въ Россіи совершился переворотъ, то все либеральное въ Россіи было радо. А такъ какъ въ Россіи все сколько нибудь замѣтное было либерально, то все сколько нибудь замѣтное было радо. Однако очень скоро обнаружилось, что кое кто былъ радъ по недоразумѣнію. К.-Д-ты, напримѣръ, были рады потому, что они думали, будто духъ разрушенія вызванный ими изъ земли — такъ какъ вся родившая ихъ русская интеллигенція въ теченіе столѣтія несла народу только и исключительно идеи разрушенія,—что этотъ духъ будетъ покоренъ ихъ велѣніямъ, что они сумѣютъ овладѣть движеніемъ и направить его въ русло либеральнаго въ европейскомъ смыслѣ и правового въ юридическомъ смыслѣ государства. Европейскій либерализмъ и идея права

были дороги конечно только интеллигентамъ и дѣйствительно партія народной свободы есть наиболѣе культурная, по преимуществу интеллигентская изъ современныхъ революціонныхъ партій. Къ ней примкнулъ интеллигентный классъ русскаго населенія почти весь цѣликомъ, или, по крайней мѣрѣ, въ подавляющемъ большинствѣ. Чѣмъ ученѣе человѣкъ, чѣмъ эта его ученость профессіональнѣе, тѣмъ больше шансовъ найти его въ средѣ К.-Д-тъ.

Но очень любопытно и курьезно, что наша по преимуществу неимущая интеллигенція сошлась на своемъ пути съ землевладѣльцами и капиталистами, потому что и послѣдніе тоже почти въ полномъ своемъ составѣ принадлежатъ къ партіи народной свободы. Простонародное мнѣніе, что интеллигентъ и буржуй это одно и то-же, мнѣніе такъ возмущающее нашихъ интеллигентовъ, имѣетъ за собою логическое основаніе во первыхъ въ присутствіи и тѣхъ и другихъ въ рядахъ одной и той-же партіи и, во вторыхъ, въ фактѣ, что образованіе есть такая-же привиллегія, выдѣляющая человѣка изъ рядовъ ему подобныхъ, какъ и капиталъ всякаго иного рода. Какимъ образомъ пріобрѣтенъ этотъ капиталъ — совершенно безразлично. Если-бы образованіе стало единообразнымъ и производилось на государственный счетъ, оно стало-бы общественной собственностью, подобно всякому другому орудію производства, подвергшемуся соціализаціи. Но пока этого нѣтъ, пока образованіе получаетъ помѣщикъ, которому капиталъ, помѣщенный въ землѣ, даетъ возможность смотрѣть Дрезденскіе музеи и смаковать сливки европейской культуры, купеческій сынокъ, на отцовскіе капиталы меценатствующій въ московскихъ философскихъ, художественныхъ и театральныхъ кругахъ, или даже разночинецъ, который, перебиваясь съ хлѣба на квасъ и давая грошевые уроки, собственнымъ трудомъ достигаетъ интеллектуальныхъ высотъ, подобно тому какъ иной богачъ собственнымъ горбомъ пріобрѣтаетъ состояніе и выходитъ въ люди,—пока дѣло обстоитъ такимъ образомъ, образованіе есть частная собственность, дѣлающая собственника такимъ же буржуемъ какъ и всякій капиталистъ, хотя-бы онъ не имѣлъ гроша за душою.

Подобно тому какъ всякую энергію можно обратить въ энергію тепловую, такъ всякій капиталъ можно обратить въ капиталъ интеллектуальный. Но и для того и для другого нужно, чтобы энергія находилась въ сосредоточенномъ, а не въ разсѣянномъ состояніи и собственность, т. е. возможность распоряжаться своимъ капиталомъ есть способъ сосредоточивать матерьяльную энергію. Поэтому собственность есть

основа нашей нынѣшней, и единственной извѣстной намъ культуры. Это положенiе находится въ полномъ соотвѣтствiи съ философской основой марксизма, гласящей, что всякая духовная культура есть „надстройка“, цѣликомъ опредѣляемая культурой матерьяльной. Разница между социалъ-демократами и К.-Д-тами въ данномъ случаѣ только въ томъ, что первые нисколько не дорожатъ культурой, созданной немногими и для немногихъ. Они готовы въ корнѣ подорвать ея основы, надѣясь создать новые очаги энергiи, которые, разсѣивая послѣднюю въ равной мѣрѣ по всей поверхности земного шара, сумѣютъ сосредоточивать ее вновь и вновь.

На этихъ новыхъ варваровъ К.-Д-ты непохожи ничуть. Они дорожатъ прежде всего тѣмъ что есть, культурой уже добытой и вошедшей въ традицiю и ея основы, т. е. собственности не согласны разрушить ни въ какомъ случаѣ. А такъ какъ только право оберегаетъ собственность отъ всякихъ посягательствъ со стороны, то право на ряду съ культурой и собственностью, является третьимъ китомъ, на которомъ стоитъ партiя Народной Свободы.

Въ томъ правѣ, которое защищаютъ К.-Д-ты есть и революцiонный и глубоко консервативный элементъ. Первый заключается въ отрицанiи правовой санкцiи за какими-бы то нибыло привиллегiями, кромѣ собственности,—второй въ стремленiи сохранить эту величайшую изъ привиллегiй. Если что возмущало К.-Д-тъ при старомъ порядкѣ, такъ это именно шаткость правовыхъ нормъ и правовой практики, допускавшая много привиллегiй на ряду съ той единственной, которая не возмущаетъ ихъ чувства права. Равноправiе нацiональныхъ группъ передъ закономъ вообще и въ частности передъ законами, касающимися способовъ прiобрѣтенiя, равноправiе религiозныхъ группъ, равноправiе женщинъ и т. д.— вотъ основа кадетской программы. Будетъ-ли правовой порядокъ проводиться республикой или монархiей — это для К.-Д-тъ не особенно важно. Это есть „вопросъ не принципа, а только цѣлесообразности“. Поэтому-то политическая программа К.-Д-тъ никогда не отличалась стойкостью и мѣнялась смотря по обстоятельствамъ. Стойкостью отличалось только ихъ отношенiе къ праву, собственности и культурѣ.

Однако только для однихъ К.-Д-тъ ясно почему право способно гарантировать только одну изъ многочисленныхъ привиллегiй прошлаго. Для неимущихъ-же массъ населенiя такого рода равноправiе является злой насмѣшкой, пока трудящiеся не имѣютъ средствъ имъ воспользоваться для обезпеченiя за собою хотя-бы минимальныхъ матерьяльныхъ и культурныхъ благъ. Уравненiе экономическое есть логи-

чески слѣдующій шагъ за юридическимъ равноправіемъ. Въ самомъ-дѣлѣ: если собственность есть привиллегія, а право гарантируетъ собственность, то право гарантируетъ привиллегію и нѣтъ никакого основанія требовать, чтобы оно гарантировало только одну, а не десять привиллегій. Или надо признать, что существуютъ группы населенія, имѣющія право на привиллегію, что есть привиллегіи, основанныя на правѣ, или надо отрицать право собственности. Первый путь сдвинулъ бы К.-Д-тъ много направо, второй — сдѣлалъ-бы ихъ соціалъ-демократами.

Какъ противорѣчиво отношеніе К.-Д-тъ къ праву, такъ же противорѣчиво и ихъ отношеніе къ собственности. Характерно, что не только политической, но и соціальной программы нѣтъ у партіи народной свободы. По крайней мѣрѣ аграрная программа выработанная ею въ настоящее время, не вытекаетъ непосредственно изъ ея принциповъ и сущность ея пожеланій свелась къ тому, чтобы небыло нарушено право выкупа, т. е. равноцѣннаго обмѣна имуществъ. Итакъ повидимому, и соціальный строй, пока онъ не нарушаетъ юридическаго права, есть для партіи народной свободы тоже вопросъ не принципа, а только цѣлесообразности.

Подобное положеніе вещей возможно только потому что К.-Д-ты не различаютъ двухъ совершенно противоположныхъ принциповъ заключенныхъ въ понятіи собственности. Всякая собственность является прежде всего предметомъ потребленія, удовлетворяющимъ какой нибудь потребности своего обладателя. Но когда потребность удовлетворена и собственникъ насыщенъ, собственность можетъ сохранить для него двоякаго рода цѣнность. Или это будетъ цѣнность мѣновая, дающая возможность получить взамѣнъ всякія другія блага жизни, или это будетъ цѣнность непродажная, присущая самой этой собственности. Послѣднее возможно только тогда, когда эта собственность сама въ большей или меньшей степени становится предметомъ культа, когда мы дорожимъ ею — потому-ли, что она досталась намъ въ наслѣдство отъ дорогихъ людей, или потому, что мы сами были ея творцами, или потому, что она выражаетъ наши вкусы и что наша жизнь какъ нибудь связана съ нею.

Если всякая собственность есть очагъ, скапливающій матерьяльную энергію, которую въ конечномъ итогѣ можно обратить въ энергію интеллектуальную, то такого рода обращеніе фактически происходитъ далеко не всегда. Стоитъ вспомнить напримѣръ купеческую среду у Островскаго, гдѣ собственность не только не является очагомъ культуры, а наоборотъ, способствуетъ огрубѣнію нравовъ. Такъ бываетъ

всегда, когда собственность обладаетъ только продажной мѣновой цѣнностью, когда за предѣлами непосредственнаго потребленія, она сама по себѣ теряетъ всякое значеніе, такъ что расходившійся Китъ Китычъ совершенно правъ, когда напившись пьянымъ, т. е. удовлетворивъ своей непосредственной потребности, принимается топить каминъ сторублевыми бумажками. Культура связана только съ собственностью непродажной и какъ только къ этимъ же капиталамъ прикоснется рука культурнаго человѣка, такъ возникаетъ напр. Третьяковская галлерея, которую не оторвать отъ имени ея собственника и владѣльца положившаго на ней неизгладимый слѣдъ своихъ вкусовъ и своей личности.

Такимъ образомъ когда К-Д-ты защищаютъ въ равной мѣрѣ всякую собственность, то защищаемая ими привиллегія теряетъ свое единственное нравственное оправданіе, заключающееся въ томъ, что собственность является очагомъ культуры. Защищать слѣдуетъ только непродажную собственность, продажную же постольку, поскольку она нужна чтобы поддержать первую.

Въ культурномъ бытѣ людей можно найти много болѣе или менѣе непродажныхъ цѣнностей. Всякая книжная полка, на которой я храню моихъ любимыхъ авторовъ и даже диванъ, купленный мною у старьевщика и который я не промѣняю на модную новинку — обладаютъ такой цѣнностью. Но въ наивысшей мѣрѣ ею обладаетъ земля, потому что мѣсто на которомъ прошла часть нашей жизни, которое мы устраивали для себя по своему, а особенно если на немъ протекли жизнь и трудъ нѣсколькихъ поколѣній, бываетъ связано съ нашей личностью тысячью неразрывныхъ нитей.

Напротивъ: наивысшей степенью мѣновой цѣнности обладаютъ деньги, и эта ихъ цѣнность тѣмъ больше, что никакой другой у нихъ нѣтъ, если исключить точку зрѣнія на нихъ безсмертнаго Кащея или скупого рыцаря. Такимъ образомъ выгода положенія находится на сторонѣ цѣнности мѣновой, потому что ее нельзя обратить въ непродажную цѣнность, тогда какъ послѣднюю, даже въ наивысшемъ ея выраженіи, т. е. въ землѣ — можно обратить въ продажную. Стоитъ посмотрѣть на нее только какъ на орудіе промышленнаго производства и опредѣлять ея цѣнность только количествомъ и качествомъ доставляемыхъ ею продуктовъ.

Непримиримая и неравная борьба между продажной и непродажной цѣнностями ведется уже давно и побѣда тѣмъ болѣе склоняется въ сторону безличнаго денежнаго капитала, стремящагося все сдѣлать продажнымъ, что она, повидимому, достигнута въ умахъ и душахъ нашего поколѣнія. Пока земля

въ видѣ привиллегированной собственности находилась въ рукахъ одного сословія, которое обладало кромѣ того и иного рода капиталомъ въ видѣ дарового труда крестьянъ,— до тѣхъ поръ непродажная собственность еще могла прокармливать собственниковъ и бороться съ безличнымъ капиталомъ. Но съ тѣхъ поръ какъ съ одной стороны все расширяется кругъ лицъ, имѣющихъ право на пріобрѣтеніе земли, а съ другой стороны тѣ, кто владѣетъ ею по наслѣдству, не имѣетъ поддержки со стороны другихъ привиллегій,— исходъ борьбы, если только она будетъ вестись въ томъ же направленіи какъ до сихъ поръ, не подлежитъ сомнѣнію: всякая собственность станетъ продажной и будетъ оцѣниваться только съ той точки зрѣнія какое количество размѣнной монеты можно за нее выручить.

Если не быть, подобно марксистамъ, фаталистами въ политикѣ, т. е. не думать, что сознательная воля людей не имѣетъ возможности воздѣйствовать на естественный ходъ соціальной жизни, то въ этой борьбѣ двухъ видовъ собственности надо опредѣленно и ясно стать на ту или на другую сторону, принявъ при этомъ во вниманіе всѣ послѣдствія своей точки зрѣнія.

Если жизнь отдѣльнаго человѣка связана съ землей, которой онъ обладаетъ, то жизнь національнаго государства немыслима безъ занимаемой имъ территоріи. Земля для національнаго государства обладаетъ высшей степенью непродажной цѣнности и если она обратится въ цѣнность продажную, не связанную ни съ лучшимъ сословіемъ страны, ни съ національностью его обладателей, то изъ этого логически слѣдуетъ отрицаніе національнаго государства. Въ такой странѣ, гдѣ всей или большей частью національной территоріи владѣютъ въ качествѣ частныхъ собственниковъ люди иностранной крови, мѣстное населеніе неизбѣжно занимаетъ подчиненное и зависимое положеніе. Желать предоставить равное право на владѣніе землею всѣмъ племенамъ входящимъ въ составъ даннаго государства могутъ только тѣ, кто въ принципѣ относится отрицательно къ идеѣ націи и въ этомъ смыслѣ вполнѣ послѣдовательны соціалъ-демократы и именно большевики. К.-Д-ты не большевики, но они и не консерваторы, а потому они не понимаютъ, что національное государство заинтересовано въ томъ, чтобы его территоріей владѣло во первыхъ національное, во вторыхъ лучшее, т. е. лучше всего выражающее національную сущность сословіе страны, что землевладѣніе само по себѣ является привиллегіей, а т. к. не будучи обращено исключительно въ особый видъ промышленности, оно не можетъ конкуррировать съ

другими ея видами, то землевладѣльческое сословіе должно пользоваться и другого рода привиллегіями, поддерживающими его въ его борьбѣ съ безличнымъ капиталомъ.

Партія народной свободы не сводитъ концовъ съ концами. Защищая отъ посягательства крайнихъ партій основу современной культуры, которую она видитъ въ собственности, и являясь такимъ образомъ по преимуществу интеллигентской партіей, она забываетъ что современная культура выросла на почвѣ собственности непродажной и защищаетъ въ сущности собственность своекорыстную, размѣнную монету, которая, будучи скоплена въ рукахъ капиталистовъ, можетъ быть будетъ способствовать цивилизаціи желѣныхъ дорогъ и пушечныхъ заводовъ, но никакъ не духовной культурѣ. Съ другой стороны, будучи партіей въ высшей степени либеральной, и желая водворить въ странѣ правовой порядокъ, и равенство, партія народной свободы стоитъ, однако, на стражѣ величайшей и ничѣмъ не оправдываемой привиллегіи. Если бы идеи этой партіи восторжествовали, то въ мірѣ, правда, больше не было бы ни сословныхъ, ни національныхъ различій, но зато рѣзко стали бы другъ противъ друга два класса имущихъ и неимущихъ, а такъ какъ имущіе всегда сильнѣе неимущихъ, то господствующимъ слоемъ населенія стала бы безличная, безнаціональная и безъидейная плутократія.

То, что революція въ Россіи произошла, доказываетъ, что было въ нашей странѣ какое-то неправильное соотношеніе силъ и К-Д-ты увидѣли эту неправильность въ чисто политическомъ, или, лучше сказать, юридическомъ неравенствѣ гражданъ. Съ тѣхъ поръ какъ они убѣдились, что юридическое уравненіе не сдѣлалось для страны немедленнымъ цѣлительнымъ бальзамомъ, они и другіе умѣренные слои населенія всячески кричатъ революціи—„тпру!“. Какъ больной, котораго зондируетъ врачъ, мечтаетъ втайнѣ, что зондъ не попадетъ въ самое больное мѣсто, хотя тамъ то и гнѣздится корень его болѣзни, такъ больной общественный организмъ пробуетъ излечиться, ходя кругомъ и около своей болѣзни. Но логика вещей неумолимо ставитъ общество лицомъ къ лицу съ нею, революція сразу же отъ политической сферы перешла къ соціальной и поставила на карту собственность.

Иначе не могло быть, потому что революція въ Россіи произошла въ такое время, когда не только Россія, а и вся Европа подошла къ пересмотру своего экономическаго строя. Въ самомъ дѣлѣ: было время когда во всѣхъ европейскихъ странахъ сословіе владѣвшее землею было во первыхъ привиллегированнымъ и наиболѣе вліятельнымъ въ дѣлѣ упра-

вленія, а во вторыхъ лучшимъ, т. е. самымъ интеллигентнымъ, самымъ воспитаннымъ, и лучше всего выражающимъ идеальную сущность своей націи. Доказательство, что въ Россіи дѣло обстояло именно такимъ образомъ — найти не трудно. Все, что было выдвинуто Россіей въ качествѣ ея лучшихъ силъ,—въ литературѣ, искусствѣ, наукѣ, нравственной философіи и общественной дѣятельности—выходило до послѣдняго времени за немногими исключеніями изъ среды ея землевладѣльческаго дворянства. Конечно этому способствовала прежде всего матерьяльная обезпеченность дворянъ, дававшая имъ необходимый для интенсивной духовной жизни досугъ, — но не она одна: вѣдь купеческое сословіе было обезпечено не менѣе. Кромѣ матерьяльной обезпеченности тутъ играла роль традиціонная связь съ землей создавшая своеобразную культуру дворянскихъ гнѣздъ, а такъ же привиллегированность положенія, которая обязывала. Тѣ же сословные дворянскіе пороки, которые извѣстны намъ изъ временъ крѣпостного права, въ свое время не считались унижающими человѣческое достоинство и были результатомъ недостатка нравственнаго развитія всего общества. Когда же общество начало доростать до ихъ сознанія, то это опять таки прежде всего произошло въ дворянской средѣ.

Такъ обстояло дѣло въ Россіи, приблизительно такъ-же оно обстояло и въ остальной Европѣ, хотя тамъ процессъ паденія дворянскаго сословія начался гораздо раньше и завершился въ эпоху революцій конца XVIII и начала XIX вѣка, послѣ которой господствующее положеніе заняла буржуазія, т. е. попросту классъ имущихъ. Этотъ процессъ паденія дворянства шелъ сразу двумя путями. Во первыхъ путемъ расширенія правъ другихъ сословій, правъ, терявшихъ такимъ образомъ характеръ привиллегій, во вторыхъ путемъ конкурренціи свободнаго безличнаго капитала, конкурренціи, которой крупное землевладѣніе, никогда не имѣвшее характера только промышленнаго предпріятія, а гораздо больше имѣвшее характеръ непродажной цѣнности,—не могло выдержать безъ поддержки со стороны другихъ привиллегій. Духовный процессъ разумѣется шелъ параллельно съ процессомъ матерьяльнымъ. Съ одной стороны дворянство значительно растеряло свои сословныя добродѣтели, съ другой стороны послѣднія потеряли свой исключительный авторитетъ передъ судомъ выросшаго нравственнаго сознанія.

Хотя фактически болѣе или менѣе крупное землевладѣніе продолжало и продолжаетъ находиться въ рукахъ дворянъ и процессъ продажи „вишневыхъ садовъ“ еще далеко не законченъ, но для странъ съ очень развитой инду-

стріей это обстоятельство просто не можетъ имѣть значенія. Тамъ владѣніе землею не даетъ больше никакихъ преимуществъ и если оно само не обращено въ особый видъ промышленности, то оно можетъ быть только очень дорогою игрушкой. Въ странѣ съ широко развитой промышленностью уже не сословія стоятъ другъ противъ друга, а только два класса: собственниковъ, т. е. владѣльцевъ безличнаго капитала съ одной стороны и съ другой — пролетаріевъ, добивающихся болѣе правильнаго распредѣленія благъ. Во всей полнотѣ развившагося капиталистическаго строя еще не вкусила ни одна изъ европейскихъ странъ, но въ нѣкоторыхъ этотъ процессъ уже близокъ къ своему завершенію, подавая справедливыя надежды соціалъ-демократамъ. Напротивъ въ странахъ экономически отсталыхъ, со сравнительно слабо развитой индустріей, живущихъ все еще преимущественно земледѣліемъ, чрезвычайно важно кто именно владѣетъ землею и настоящій моментъ есть моментъ непродолжительнаго равновѣсія силъ между безличнымъ капиталомъ и собственностью въ формѣ землевладѣнія, моментъ, въ которомъ борьба классовъ еще не опередила борьбы сословій.

Кто, какой классъ или какое сословіе придетъ въ Россіи на смѣну павшему дворянству? Будетъ-ли Россія сознательно повторять безсознательно пройденный Европой путь развитія безличнаго и безнаціональнаго капитализма и господство дворянства смѣнится господствомъ буржуазіи? Или, воспользовавшись опытомъ Европы, она сразу перейдетъ къ не менѣе безличному соціализму? Или, наконецъ, земля, имѣющая еще такъ много власти надъ русскимъ человѣкомъ, рѣшитъ вопросъ иначе и на смѣну дворянству придетъ не классъ, а другое сословіе землевладѣльцевъ, лучше дворянъ представляющее Россію даннаго момента и при помощи государственной поддержки сможетъ бороться съ безличнымъ капитализмомъ? Предсказывать рисковано и будущее покрыто мракомъ. Можно только желать того или иного и различіе въ пожеланіяхъ, въ томъ, что признается за благо, дѣлитъ людей на консерваторовъ и либераловъ. Либерально все, что клонится къ уничтоженію многообразія бытовыхъ и культурныхъ различій между людьми, къ обезличенію группъ населенія, а слѣдовательно и единицъ, составляющихъ эти группы. Нравственное оправданіе, выдвигаемое либерализмомъ, заключается въ томъ, что уничтоженіе сословныхъ и иныхъ перегородокъ дастъ возможность людямъ легче понимать другъ друга и т. обр. сдѣлаетъ ихъ духовно шире (Н. К. Михайловскій). Но нравственнымъ завоеваніемъ была-бы только способность понимать человѣка стоящаго

даже въ совершенно иныхъ условіяхъ и чѣмъ многообразнѣе эти условія, тѣмъ шире тотъ, кто черезъ нихъ можетъ разглядѣть человѣка. Для консервативнаго сознанія нѣтъ невыбирающаго и безразличнаго равенства между бытовыми и національными группами населенія, какъ нѣтъ его между людьми, какъ его нѣтъ въ природѣ. Консервативное сознаніе хочетъ *выбирать* между исторически сложившимися группами и предоставить руководящую роль той изъ нихъ, которая обѣщаетъ лучше другихъ выразить національную культуру даннаго момента. Прежде руководящая и господствующая роль принадлежала немногимъ, а массы были безправными. Завоеваніе демократіи заключается въ томъ, что эти немногіе утратили свое значеніе. Это не можетъ испугать русское консервативное сознаніе которое, въ лицѣ хотя-бы славянофиловъ, по скольку они были консерваторами, никогда небыло аристократическимъ и всегда предчувствовало ту огромную и благодѣтельную роль, которую въ Россіи съиграетъ крестьянство.

Но и массы идутъ не однимъ путемъ. Двѣ группы населенія, два сословія, со своей особой и очень различной психологіей, съ залогомъ совершенно различнаго будущаго, которое несетъ господство каждаго изъ нихъ, стоятъ одно противъ другого: городское и сельское, рабочій пролетаріатъ и землевладѣльческое крестьянство. Либеральное правительство создается равновѣсіемъ между всѣми наличными группами населенія, по возможности между всѣми его единицами. Консервативное правительство *опирается* на одну изъ такихъ группъ и горе ему, если, какъ это случилось съ русскимъ до-революціоннымъ правительствомъ, оно продолжаетъ опираться на ту группу, которая уже утратила и нравственное значеніе и матерьяльную силу. Важность, какую имѣетъ для Россіи даннаго момента земельный вопросъ, естественно выдвигаетъ впередъ сословіе, крѣпче всѣхъ связанное съ землею, т. е. крестьянство. Разрѣшить крестьянскій вопросъ такъ, какъ это дѣлаютъ соціалисты-революціонеры, т. е. сдѣлать крестьянина гостемъ и прохожимъ на своей землѣ, это значитъ дать огромное преимущество надъ нимъ рабочему-пролетарію и едва-ли при такихъ условіяхъ кто нибудь захочетъ обрабатывать землю. Торжество рабочаго пролетаріата есть естественное слѣдствіе торжестра безличнаго капитала, какъ это очень хорошо понимаютъ соціалъ-демократы. Оно ведетъ за собой торжество космополитизма, т. к. „у пролетарія нѣтъ отечества". Дубовый листокъ оторванный отъ вѣтки родимой, неустойчивый, ни съ чѣмъ не связанный и ничѣмъ не дорожащій -- таковъ

культурный типъ человѣка, который обѣщаетъ намъ это торжество. Сохранить землю за крестьяниномъ какъ личную или какъ групповую собственность, лучше всего и ту и другую, сообразуясь со сложившимися бытовыми условіями, дать ему всѣ привиллегіи, которыя-бы сдѣлали земледѣльческій трудъ выгоднымъ и не поглощающимъ человѣка безъ остатка и выдвинуть крестьянство какъ руководящее и правящее сословіе въ странѣ—это могло-бы сохранить намъ русскую національную и культурно своеобразную Россію. Но для этого надо понять какую культурную цѣну для себя и для человѣчества представляетъ нація, сохранившая себя во всемъ разнообразіи бытовыхъ группъ ее составляющихъ.

Либеральное сознаніе понять этого не можетъ, и даже тогда, когда оно говоритъ о національности—а о ней теперь говорятъ всѣ партіи, кромѣ единственно послѣдовательныхъ большевиковъ,—оно разрушаетъ самый принципъ національнаго существованія, заключающійся въ неравенствѣ оцѣнокъ, правъ и бытовыхъ условій.

Воля народа.

Среди враждующихъ въ настоящее время партій только двѣ обладаютъ послѣдовательностью до конца. Тою послѣдовательностью логической и психологической, которая безошибочно направляетъ поведеніе даже тогда, когда сознаніе еще не вынесло опредѣленнаго рѣшенія. Одна изъ нихъ празднуетъ свое первое и небывалое торжество, другая, потерпѣвъ полное пораженіе, не имѣетъ даже возможности поднять голосъ въ свою защиту. Первая—большевики, вторая—консерваторы изъ черной сотни. То, что между этими двумя крайностями есть нѣчто общее, отмѣчено всѣми врагами тѣхъ и другихъ, но если моему голосу удастся дойти до русской публики, то я попробую воздать дань побѣдителямъ отъ побѣжденныхъ, Большевикамъ отъ Черной Сотни.

Большевики это не тѣ либералы, для которыхъ впереди всѣхъ соціальныхъ благъ стоитъ идея народоправства, съ точностью подсчитывающаго голоса и свято вѣрующаго въ истину и справедливость ихъ большинства. Идея народоправства, на которой основывается одинаково и всякій парламентаризмъ и то, что теперь называется учредительнымъ

собраніемъ въ сущности не есть идея. Напротивъ, это есть отказъ отъ *своей* идеи въ пользу большинства, капитуляція собственной совѣсти и разума передъ послѣднимъ. Большевики говорятъ совершенно правильно: „я вѣдь тоже народъ“ и я имѣю свою истину въ которую вѣрю и которую защищаю. Въ столкновеніи группъ національныхъ и сословныхъ, религіозныхъ и экономическихъ, въ смутѣ идей и стремленій только одинъ поединокъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія въ глазахъ большевиковъ, а именно, столкновеніе группъ экономическихъ, классовая борьба. Побѣдѣ одной изъ борящихся сторонъ, побѣдѣ пролетаріата надъ буржуазіей отданы ихъ силы и мысль и отъ того, на сколько идея пролетаріата можетъ стать всенародной идеей, отъ того на долго-ли она можетъ покорить инстинкты и симпатіи народныхъ массъ, — зависитъ большая или меньшая прочность власти большевиковъ.

Что же такое пролетаріатъ, диктатуру котораго мы въ настоящее время чувствуемъ надъ собою иногда быть можетъ слишкомъ болѣзненно? Это классъ во первыхъ трудящійся, во вторыхъ живущій своей заработной платой и, наконецъ, въ третьихъ и главныхъ—не владѣющій орудіями своего производства, а потому всегда зависящій отъ чужого капитала. Онъ противоположенъ буржуазіи, которая можетъ быть въ большомъ, а можетъ быть и въ очень маломъ размѣрѣ, но является распорядительницей своей судьбы, обладая или той землей, или тѣмъ предпріятіемъ, которое ее кормитъ.

Таково отвлеченное опредѣленіе буржуазіи и пролетаріата. Но соціальное положеніе той и другого кладетъ особый отпечатокъ и на психологію каждаго изъ нихъ, создавая цѣльный психическій типъ пролетарія и буржуя. Буржуй это нѣчто осѣдлое и устойчивое, привязанное къ своему мѣсту на землѣ, очень дорожащее условіями, охраняющими его бытъ, а потому настроенное консервативно. Пролетарій подвиженъ, мало чѣмъ дорожитъ и склоненъ къ разрушенію. Взятая въ своемъ чистомъ видѣ т. е. внѣ вліянія иныхъ не чисто экономическихъ факторовъ, каждая изъ этихъ группъ легко вырождается въ нѣчто весьма уродливое. Если въ глубинѣ буржуазности таится смѣющійся бѣсъ мѣщанства, заслоняющій для буржуя весь міръ четырьмя стѣнами его дома, то и въ нѣдрахъ пролетаріата есть свой смѣющійся бѣсъ, такъ легко обращающій пролетарія въ хулигана. И если мѣщанинъ дорожитъ каждой мелочью своего быта, возводя серебряную ложку въ предметъ священнаго культа, утрата котораго погружаетъ мѣщанское семейство въ трауръ, то у

хулигана вовсе нѣтъ никакихъ предметовъ культа, а есть быть можетъ только тоска по нимъ, дѣлающая его ничего не щадящую руку еще разрушительнѣе.

Но какъ понятія классовыя, т. е. экономическія, буржуй и пролетарій въ жизни не встрѣчаются въ чистомъ видѣ. Въ жизни они осложняются религіозными, національными, сословными и другими различіями, отъ которыхъ ихъ не безъ успѣха стремятся освободить большевики. Буржуй не только буржуй — онъ еще купецъ, дворянинъ или крестьянинъ, у котораго нѣсколько поколѣній предковъ прожили на клочкѣ его земли и его привязанность къ мелочамъ своего быта осложняется и облагораживается безкорыстной любовью къ этой землѣ, свидѣтельницѣ всей его жизни. Онъ еще православный христіанинъ и онъ знаетъ, что его земное имущество не есть высшее благо и что можетъ придти минута, когда ему надо и вовсе отказаться отъ него. Онъ еще русскій человѣкъ и любовь къ своему углу и быту углубляется у него до любви къ цѣлому—къ Россіи.

Точно такъ же пролетарій не только пролетарій. Но въ пролетаріатѣ, ни къ чему фактически не прикрѣпленномъ, существуетъ гораздо большая смѣшанность „племенъ нарѣчій, состояній". Тутъ рядомъ съ русскимъ православнымъ крестьяниномъ работаетъ еврейскій мѣщанинъ и нѣмецкій лютеранинъ. Принадлежность къ той или другой религіи, національности или сословію не поддерживается традиціями соотвѣтствующихъ группъ, а составляетъ индивидуальное достояніе человѣка. И надо недюжинныхъ духовныхъ силъ и широты кругозора, чтобы одному сохранять свою связь съ религіознымъ или національнымъ цѣлымъ. Гораздо легче, оторвавшись отъ корней и отъ вѣтокъ родимыхъ, сблизиться съ тѣми, кто его непосредственно окружаетъ и сблизиться на той единственной почвѣ, которая является общей для всѣхъ. Такою почвой можетъ быть только почва экономическая -матерьялный „интересъ", на которомъ основана классовая борьба. Вотъ почему не всякій даже изъ интеллигентныхъ пролетаріевъ освобождается вполнѣ отъ духовнаго хулиганства, замѣняя недостающую ему физическую осѣдлость духовной прикрѣпленностью къ нѣкоторымъ общимъ цѣнностямъ, такъ что вырубаемыя, нынѣ, какъ говорятъ, аллеи Царскосельскаго парка могутъ быть ему болѣе дороги, чѣмъ если-бы онѣ были его собственнымъ достояніемъ. Въ массѣ же „у пролетарія нѣтъ отечества" и „нѣмецкій или еврейскій пролетарій ближе и нужнѣе русскому пролетарію чѣмъ русскій буржуй"--хотя бы послѣднимъ былъ самъ Толстой.

Такъ говорятъ социалъ-демократы и ихъ теорія клонится

къ тому, чтобы упростить психологію пролетарія какъ человѣка и сдѣлать пролетаріатъ группой, очищенной отъ всякихъ вліяній, кромѣ вліянія ихъ экономическаго положенія. Именно такой пролетарій, не имѣющій религіи, отечества и традиціи и равнодушный къ нимъ, сознающій свою солидарность только съ товарищами по борьбѣ за существованіе и нуженъ большевикамъ, считающимъ такія опустошенныя души наиболѣе благопріятнымъ матерьяломъ для созданія благополучія и братства на землѣ.

Вопросъ не въ томъ, правы ли большевики, выбравъ именно эту группу, какъ достойную преобладанія и господства. Если консерваторъ выбралъ бы на ихъ мѣстѣ другую группу, то въ томъ, что большевики говорятъ не о равенствѣ, а о преобладаніи лучшаго съ ихъ точки зрѣнія — консерваторъ ихъ упрекнуть никакъ не можетъ. Въ данномъ случаѣ интересно другое. А именно: какимъ образомъ возможно нынѣшнее торжество большевиковъ въ Россіи, яко бы противное опредѣленно выраженной выборами въ учредительное собраніе волѣ народа? Откуда черпаютъ они силу хотя бы временно, но торжествовать? Консерваторъ скажетъ на это: большевики торжествуютъ и могутъ торжествовать потому, что вопреки свидѣтельству большинства голосовъ, они выражаютъ въ данный моментъ истинную волю народа - минутную и преходящую, преступную и злую волю, но волю. И, нынѣшній моментъ ихъ торжества чрезвычайно ярко подчеркиваетъ ту мысль, которую всегда защищали консерваторы, возставая противъ парламентаризма, а именно, что большинство голосовъ никогда не выражаетъ дѣйствительной и дѣйственной воли народа.

Въ томъ, что большевики въ самомъ дѣлѣ выражаютъ эту минутную волю, мы можемъ убѣдиться, присмотрѣвшись къ идеѣ большевизма и ея проявленіямъ въ жизни.

Большевизмъ это своеобразно понимаемый практическій марксизмъ, основной философской доктриной котораго является та мысль, что духовная культура есть „надстройка“ надъ чисто экономическими отношеніями. Такъ какъ современный экономическій строй, основанный на раздѣленіи человѣчества на эксплоатирующихъ и эксплоатируемыхъ неправеденъ, то нужно, уничтоживъ всѣ культурныя цѣнности, разбивающія людей на религіозныя, національныя или иныя традиціонныя группы, т. е. уничтоживъ вертикальныя перегородки между людьми, рѣзко провести одну горизонтальную линію, проходящую черезъ всѣ страны и народы и поставить лицомъ къ лицу двѣ борящіяся группы: пролетаріевъ и буржуевъ, угнетаемыхъ и угнетателей. Конечная цѣль—торжество

пролетаріевъ, заключающееся въ томъ, что, недвижимая собственность и капиталъ перейдутъ изъ рукъ частныхъ собственниковъ въ руки государства и такимъ образомъ граждане перестанутъ быть въ зависимости другъ отъ друга, сдѣлавшись всѣ въ равной мѣрѣ зависимыми отъ государства. Будетъ ли такого рода положеніе выгодно отдѣльнымъ лицамъ—не извѣстно. Будетъ ли это равенствомъ въ богатствѣ или равенствомъ въ бѣдности это все равно. Зломъ тутъ признается самый фактъ неравенства, рѣжущій глаза бѣдняку видомъ чужого благополучія.

Таковъ голый остовъ большевизма, если не считать той его особенности, что въ противоположность другимъ соціалистическимъ партіямъ, онъ считаетъ возможнымъ немедленное осуществленіе своего идеала, посредствомъ перегруппировки общественныхъ силъ. Побѣды онъ добивается мѣрами революціонной борьбы и если бы онъ встрѣчалъ на своемъ пути только прямого врага — капиталиста, отстаивающаго свое положеніе въ мірѣ, то побѣда пролетаріата казалась бы и возможной и близкой. Пусть другіе соціалъ-демократы не большевики предлагаютъ иной болѣе медленный историческій путь,—но зачѣмъ повторять чужія страданія и ошибки, разъ мы съумѣли понять уроки исторіи и воспользоваться чужимъ опытомъ? Да это и психологически невозможно.

Однако пролетаріатъ встрѣчаетъ на своемъ пути не только прямого врага—капиталиста съ его интересами. Единоборству труда и капитала мѣшаютъ иныя цѣнности, не вовремя напоминающія о себѣ. Пока религія національность или какая нибудь моральная традиція являются просто случайнымъ фактомъ не отстаивающимъ себя въ борьбѣ за существованіе, большевики готовы относиться къ нему терпимо, считая дѣломъ личной совѣсти каждаго. Но если онъ соединяетъ людей въ группы, серьезно проникнутыя соединяющимъ ихъ принципомъ, то даже самъ капиталъ не вызываетъ стольсильной вражды большевиковъ, какъ эти цѣнности. Большевики объявляютъ ихъ союзниками капитала, хотя этотъ союзъ заключается только въ томъ, что онѣ, какъ силы чуждыя экономическимъ интересамъ, соединяя людей по иному принципу, путаютъ карты въ игрѣ и осложняютъ борьбу посторонними элементами. Большевикамъ нужно человѣчество распыленнымъ на единицы, чувствующія свою солидарность только съ тѣми, кто раздѣляетъ ихъ экономическіе интересы. Какъ примѣръ послѣдовательнаго проведенія большевиками этого принципа, разсмотримъ съ одной стороны ихъ вражду къ такъ называемому имперіализму и съ другой—ихъ защиту самоопредѣленія національностей.

Прежде всего —что такое имперіализмъ? Это есть государственность, переросшая чисто національныя рамки и стремящаяся включить въ свой составъ всѣ тѣ воды и земли съ ихъ населеніемъ, которыя могутъ способствовать ея матерьяльному и экономическому процвѣтанію, а если можно, то и преобладанію. Кому выгодно экономическое процвѣтаніе государства? спрашиваютъ большевики и отвѣчаютъ: буржуямъ и капиталистамъ. Они правы по стольку по скольку буржуямъ и капиталистамъ принадлежитъ въ государствѣ господствующее положеніе. Но представьте себѣ, что капиталистическій строй въ данномъ государствѣ ниспровергнутъ и экономически господствующее положеніе занимаетъ пролетаріатъ. Кому на пользу въ этомъ послѣднемъ случаѣ будетъ усиленіе экономической мощи государства?—его господствующему классу, пролетаріату. Представьте себѣ дальше, что рамки пролетарскаго государства все расширяются, что его имперіализмъ разросся до всемірнаго господства, какъ нѣкогда разросся имперіализмъ Римскій—что же изъ этого слѣдуетъ?—всемірное господство пролетаріата, торжество соціализма. Какъ переросшій нѣкоторыя границы капитализмъ, по теоріи Маркса переходитъ въ свою противоположность, такъ и имперіализмъ, разросшійся до всемірности, переходитъ въ космополитизмъ.

Казалось-бы такого результата долженъ желать всякій соціалистъ, въ томъ числѣ и большевикъ. Но большевики реальные политики. Они знаютъ, что въ условіяхъ даннаго времени каждая изъ такъ называемыхъ великихъ державъ достаточно сильна, чтобы поставить неодолимую преграду имперіалистическимъ стремленіямъ сосѣдей, а потому имперіализмъ, остающійся въ границахъ, пойдетъ не на пользу космополитическаго соціализма, а на пользу націонализма.

Націоналистическій имперіализмъ вноситъ въ идею имперіи тотъ чуждый всякому экономизму смыслъ, который такъ противенъ большевикамъ. Націонализмъ признаетъ привиллегированное и господствующее положеніе въ государствѣ за той національностью, которая имѣетъ достаточно духовныхъ силъ, чтобы наложить на остальныя печать своей традиціонной культуры, а въ предѣлахъ господствующей національности онъ даетъ привиллегированное положеніе тому слою ея, который въ данное время лучше всего способенъ представить собою эту традиціонную культуру. Съ національной точки зрѣнія положительное значеніе будетъ имѣть такое государственное цѣлое, которое не на столько велико, чтобы массой входящихъ въ него частей подавить культурную идею господствующей націи и не на столько мало, что

бы обратиться въ провинціализмъ, лишенный вовсе культурной идеи. Для національной идеи государства опасно и вредно заключать въ себѣ части, имѣющія свою собственную опредѣлившуюся и сознанную національно-культурную цѣнность. Такъ напримѣръ русскій имперіализмъ можетъ быть уже переросъ тѣ границы, которыя были нужны и полезны ему какъ хранителю культурнаго сокровища русской націи. Быть можетъ онъ былъ уже слишкомъ громоздкимъ, съ недостаточной согласованностью частей, такъ что мало развитому національному сознанію уже трудно становилось охватить Россію какъ цѣлое, подчиненное одному духовному центру.

Но большевики заботятся, конечно, не о національной пользѣ для Россіи. Не разсчитывая на скорую побѣду соціализма, достигнутую путемъ расширенія имперіализма до всемірности, они разсчитываютъ достигнуть этой побѣды обратнымъ путемъ: путемъ распыленія государства на его составныя части какъ можно болѣе мелкія; съ ихъ провинціальнымъ, лишеннымъ культурнаго смысла патріотизмомъ, что въ свою очередь должно привести къ распыленію этихъ частей на одинокія, ничѣмъ кромѣ экономическихъ интересовъ не связанныя человѣческія единицы. Поэтому-то большевики, отстаивая платформу самоопредѣленія національностей, меньше всего озабочены смысломъ національной идеи. Для нихъ равноцѣнны патріотизмъ польскій, имѣющій сознательную и опредѣленно выраженную національно-культурную цѣнность, патріотизмъ „самостійно" украинскій, одинаково вредный какъ для русской, такъ и для украинской національной идеи, выросшей изъ ихъ культурнаго взаимодѣйствія, или не имѣющій никакого національнаго смысла провинціальный патріотизмъ вольнаго города Одессы или Луги, ничѣмъ не отличающійся отъ патріотизма какого нибудь Васильевскаго Острова, или Замоскворѣчья.

И въ этомъ антинаціональномъ и провинціально-сепаратистическомъ движеніи русскій народъ находится на сторонѣ большевиковъ. Какъ въ развитіи почти каждаго интеллигентнаго человѣка бываетъ моментъ, когда онъ съ неизбѣжностью приходитъ къ атеизму, хотя бы позже онъ сдѣлался религіознымъ мыслителемъ въ родѣ Владиміра Соловьева, такъ въ развитіи народа почти неизбѣженъ моментъ, когда онъ становится соціалъ-демократомъ. Это тотъ моментъ, когда его впервые пробужденная мысль обращается съ критикой на то, что до сихъ поръ было содержаніемъ его духовной жизни, а первый этапъ критики, какъ извѣстно, есть отрицаніе. Это тотъ моментъ, когда неискушенный умъ хватается за наименѣе сложную, за наиболѣе психически убогую

теорію, а опустошенная отъ своего недавняго содержанія душа готова признать его за предразсудокъ. Это моментъ первыхъ попытокъ сознательной умственной культуры—темный, отрицательный и опасный моментъ. Такой моментъ переживаетъ въ настоящее время русскій народъ. Это не значитъ конечно, что каждый крестьянинъ выходящій сейчасъ на арену войны и на арену политической борьбы—двѣ арены такъ сильно пробудившія его умъ, временно умертвивъ его душу,—усвоилъ съ полной ясностью теорію Маркса. Но въ послѣдней, взятой въ ея большевистскомъ истолкованіи находятъ свое объясненіе и оправданіе всѣ темныя потуги его мысли, рожденныя смертельной окопной усталостью, разочарованіемъ и унизительной, но естественной завистью къ тѣмъ, кто во время этой страды быть можетъ нагрѣвалъ на ней руки, или даже просто пребывалъ въ покоѣ и благополучіи.

Представимъ себѣ теперь хотя бы солдата на фронтѣ, которому предстоитъ положить въ ящикъ свой конвертъ со спискомъ въ Учредительное Собраніе. За кого онъ будетъ голосовать? Несомнѣнно не за консерваторовъ-монархистовъ—ихъ просто нѣтъ на сценѣ въ данный моментъ. Но они и не дорожатъ моментомъ, являясь истолкователями той болѣе сложной духовной жизни, которая инстинктивна на низшихъ ступеняхъ развитія и можетъ дать тонкій и прекрасный культурный плодъ на высшихъ. Онъ не будетъ такъ же голосовать за К.-Д-тъ, во первыхъ потому, что они „буржуи“, во вторыхъ потому, что имъ нужна война до побѣднаго конца, которая тоже нужна только буржуямъ, а ему не нужна, въ третьихъ потому, что они не обѣщаютъ земли и воли. Но кромѣ черносотенцевъ и К.-Д-тъ существуютъ еще большевики и меньшевики, правые и лѣвые С-Р-ы, партія соединенныхъ соціалистовъ—и всѣ они обѣщаютъ землю и волю, всѣ добиваются мира и всѣ отмежовываются отъ буржуевъ. И вотъ избиратель, который не мало слушалъ и самъ говорилъ, а такъ же читалъ популярныя брошюрки о соціализмѣ, о землѣ и волѣ и т. д., съ недоумѣніемъ останавливается передъ многочисленными списками и нерѣдко обращается къ интеллигенту, окрашенному вовсе не въ соціалистическій цвѣтъ, но къ которому случайно онъ относится съ симпатіей, съ вопросомъ: за какой же списокъ мнѣ голосовать?—Вамъ это лучше знать, говоритъ добросовѣстный интеллигентъ, не желающій оказывать давленія на „волю народа“, и выборъ избирателя неизбѣжно является *случайнымъ*. Если даже допустить величайшую добросовѣстность въ техникѣ выборовъ, то такихъ случайныхъ голосовъ неизбѣжно было и не

могло не быть очень много, если не большинство.

Положимъ дальше, что какая нибудь доступная избирателямъ характерная черта склоняетъ ихъ симпатіи на сторону одной изъ партій. Напримѣръ крестьяне знаютъ, что партіей крестьянской по преимуществу, особенно выдвигающей вопросъ о землѣ, являются С-Р-ы—и С-Р-ы получаютъ большинство голосовъ. Значитъ ли это, что С-Р-ы выражаютъ волю народа? Нѣтъ, не значитъ. Голосуя за С-Р-овъ, этотъже самый избиратель будетъ, силой вещей и всѣхъ инстинктовъ своей души, поступать такъ, какъ это въ данный моментъ требуется большевистской программой. Онъ будетъ уходить съ фронта, бить „буржуевъ", отбирать гдѣ можно землю и имущество не дожидаясь учредительнаго собранія и водворяя собственными большевистскими средствами свою пролетарскую справедливость. На чьей же сторонѣ воля народа даннаго момента? Конечно на сторонѣ большевиковъ. И какія бы толпы манифестантовъ ни ходили по городамъ, протестуя противъ власти Совѣтовъ въ пользу учредительнаго собранія, послѣднее будетъ безсильно передъ первыми до тѣхъ поръ пока въ душѣ этихъ самыхъ манифестантовъ берутъ верхъ большевистскіе инстинкты и пока они еще сами не знаютъ какую волю могли бы они въ самомъ учредительномъ собраніи противопоставить волѣ большевиковъ.

Темная сила владѣетъ сейчасъ нашей Русью, но въ своей темнотѣ она обладаетъ стихійной послѣдовательностью и на все, что могутъ сказать ей враждующія съ нею либеральная и редикальная партіи, у нея есть прямой и полный отвѣтъ.

— Вы ведете Россію къ сепаратному миру и къ измѣнѣ союзникамъ!—говорятъ большевикамъ другія соціалистическія партіи.

— Но какой-же иной способъ можно было придумать заставить союзниковъ отказаться отъ аннексій и контрибуцій и согласиться на самоопредѣленіе національностей?—резонно возражаютъ большевики.

— Требуя самоопредѣленія національностей, говорятъ имъ, вы, однако, всюду гдѣ можете вводите свои порядки?!

— Но почему вамъ, о русскіе соціалисты, вдругъ сталъ такъ дорогъ національный принципъ?—Для насъ онъ есть только средство, вѣдь торжество соціализма все равно уничтожитъ національный обликъ народностей.

— Вы губите Россію!—кричатъ имъ изъ глубины, души безъ различія партій всѣ въ комъ заговорило нѣчто лежащее глубже ихъ сознанія, заговорила встревоженная любовь.

И съ послѣдовательностью тупицъ, у которыхъ есть только одна прочно засѣвшая въ нихъ идея и которые потому никогда не ошибаются, большевики отвѣчаютъ:

— Россія?—но вѣдь вы же знаете, что патріотизмъ есть чувство реакціонное! Россія, можетъ быть, и погибнетъ, но ея народы будутъ имѣть власть Совѣтовъ!

Тутъ подымаютъ голосъ К.—Д-ты и говорятъ:

— Вы попираете право, вы душите завоеванныя свободы!

— Мы попираемъ право собственности, гордо отвѣчаютъ большевики, т. е., ту привиллегію, при существованіи которой свободы не нужны пролетарію. А если мы попираемъ печать и свободу слова, такъ это потому, что хотя мы и очень сильны сегодня, но у насъ нѣтъ увѣренности въ томъ, что мы будемъ сильны и завтра.

— Но большинство голосовъ и воля народа?

— Большинство голосовъ не выражаетъ воли народа и всѣмъ ясно, что послѣдняя съ нами.

Такъ говорятъ большевики и мы скажемъ имъ:—правильно! Опустошенная народная душа сейчасъ съ вами. А когда она затоскуетъ по своему вѣковому содержанію и почувствуетъ весь ужасъ послѣдовательно проведеннаго либерализма и соціализма, то она будетъ не съ вами и не съ вашими непослѣдовательными врагами, а съ нами. И тогда придетъ настоящій хозяинъ и безъ кровопролитія, потому что выросшая до всенародности народная воля будетъ съ нимъ, какъ власть имѣющій займетъ ваше мѣсто. Народъ выйдетъ къ нему навстрѣчу изъ всѣхъ дверей—весь народъ и буржуй, и пролетарій—и скажетъ:

— Иди, милый, мы истомились ожидая, Тебя, чистый отрокъ! Тебѣ не надо ни казней, ни запретовъ, потому что не вражда или противодѣйствіе окружаютъ Тебя, а всенародная помощь. Кто изъ насъ лучше съумѣетъ помочь Тебѣ и Россіи, тому будетъ въ ней первое мѣсто, а кто хуже, тому послѣднее, но и послѣдній будетъ имѣть свое мѣсто, съ особенными, ему одному принадлежащами правами.

75 коп.